

Жданов Сергей Сергеевич

НЕМЕЦКИЙ КАБАЦКИЙ ЛОКУС В ПОЭЗИИ САШИ ЧЕРНОГО

В статье рассматривается маркированный немецкостью "кабацкий" локус в стихотворениях С. Черного. Данный хронотоп проявляет черты пространства, связанного с образом типажного немца-филистера. В его сатирически окрашенном портретном описании отсутствуют индивидуальные черты, зато часто используются уподобления животным и предметам неодушевленного мира, что подчеркивает приземленность персонажа. Кроме того, при изображении локуса немецкого кабака-таверны встречаются мотивы театральности, карнавала, человеческого единства, убежища, что придает описанию данного пространства амбивалентные черты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 75-78. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается маркированный немецкостью «кабацкий» локус в стихотворениях С. Черного. Данный хронотоп проявляет черты пространства, связанного с образом типажного немца-филистера. В его сатирически окрашенном портретном описании отсутствуют индивидуальные черты, зато часто используются уподобления животным и предметам неодушевленного мира, что подчеркивает приземленность персонажа. Кроме того, при изображении локуса немецкого кабака-таверны встречаются мотивы театральности, карнавала, человеческого единства, убежища, что придает описанию данного пространства амбивалентные черты.

Ключевые слов фразы: русская литература XX века; Саша Черный; поэзия Серебряного века; немецкость; филистер; типаж; кабацкий локус.

Жданов Сергей Сергеевич, к. филол. н.

*Сибирская государственная геодезическая академия
fstud2008@yandex.ru*

НЕМЕЦКИЙ КАБАЦКИЙ ЛОКУС В ПОЭЗИИ САШИ ЧЕРНОГО[©]

Описание пространства немецкой пивной в творчестве Саши Черного связано со сложившейся в XIX веке русской литературной традицией изображения типажного немца, недалекого филистера. Одним из «главных атрибутов» последнего, как пишут А. В. Жуковская, Н. Н. Мазур и А. М. Песков, выступает пиво [1, с. 41]. Пьющий немец становится филистером в квадрате, алкоголь заставляет персонажа открыто проявлять свою сущность. Неслучайно многие свои произведения, в которых встречается кабацкий локус, поэт включил в стихотворный цикл «У немцев». В нем, по мнению А. С. Иванова, Германия описана как страна, «...где пошлость, точнее – коллективная пошлость, возведена в абсолют» [2, с. 26]. С этим определением соотносятся слова современника С. Черного В. В. Набокова: «...Германия казалась нам страной, где пошлость не только не осмеяна, но стала одним из ведущих качеств национального духа, привычек, традиций и общей атмосферы...» [3, с. 74].

В произведениях С. Черного, посвященных Германии, много образов пьющих немцев. Так, в стихотворении «Как францы гуляют» описываются филистеры, «немецкие быки» [4, с. 240], «десятков семь орущих, красных булок», и их спутницы, «почтенные комоды» и «раскрахмаленные лангусты» с «потным бюстом», поднимающиеся в гору, на вершине которой их «ждет двадцать бочек пива» [Там же, с. 241]. Образы намеренно снижены до животного уровня или даже до неодушевленных объектов. Однако общая атмосфера пошлости нивелируется противопоставленным людскому миру прекрасным пейзажем, миром природы, где «деревья ропщут. Мягко и лениво смеется в небе белый хоровод...» [Там же]. С. Черный не раз прибегает к этой пространственной антитезе. Например, в стихотворении «На Рейне» локус корабля – «ресторана», плывущего по реке и заполненного пьяными пошлыми героями-немцами («плавучая конюшня», тянущая, «как сапожники, рейнвейн» [Там же, с. 253]), противопоставлен одушевленному романтическому пейзажу: здесь «волна поет», а «в пене волн танцуют жемчуга» [Там же, с. 254]. Эти два мира настолько несхожи для лирического героя-созерцателя, что он отказывает филистерам в их притязаниях на немецкость природного локуса: «Немецкий Рейн? Но разве он из пива...» [Там же]. Аналогичная ситуация описывается в стихотворении «Улица в южно-немецком городке». Здесь лирический герой сидит в старинном гейдельбергском ресторане «Регео» и сквозь открытые окна наблюдает цуг поющих и хохочущих пьяных корпорантов, которые по-филистерски «свежи и дородны, глупы, как кентавры» [Там же, с. 174] (отметим все то же уподобление людей животным).

Относительная мягкость сатиры в отношении героев-немцев (особенно в первом и третьем из приведенных здесь стихотворений) объясняется, на наш взгляд, именно открытостью локусов. Герой-созерцатель может легко перейти из мира филистеров в мир природной гармонии, который, в свою очередь, является проводником в пространство фантазий и грез. В стихотворении «На Рейне», правда, русский герой не имеет возможности покинуть плывущий корабль (именно поэтому сатирический тон гораздо более резок здесь: романтика раздражает плывущая немецкая «конюшня», от которой не так просто скрыться), но он способен, по крайней мере, отвернуться от нее и, любясь природой, предаваться своим фантазиям: «Я думал о весне, о женщине, о Гейне и замок выбирал на берегу» [Там же, с. 254].

Другое дело, когда действие происходит в закрытом ограниченном локусе немецкой пивной. Здесь юмористический образ тех же глупых, как кентавры, корпорантов превращается в издевательский шарж стихотворения «Корпоранты». Этот локус-ресторан переполнен животными образами, которые, как указано выше, являются маркерами филистерства в поэзии С. Черного. «Бульдоговидные дворяне» «мычат над пивом», «набив свинойю зобы» (животное поедает другое животное), хватают кельнершу «за жабры» и жмут ее «под общий смех стола» (эротический мотив также носит животный характер). Пьяный дылда «багровеет, как бурлак» [Там же, с. 247]. Здесь же «ревут ослы» – посетители, в компанию которых затесались «два желторотых червяка», только начинающих постигать всю прелесть корпорантской жизни. Наконец, посреди всего этого скотного двора расхаживает ресторатор, «добрый пастор» [Там же, с. 248]. Кроме того, поэт прибегает

к метонимическому уподоблению: в углу ресторана портрет кронпринца с семейством висит рядом с кабаньей головой и чепраком (животными маркерами). В данном локусе царит атмосфера дешевого театра из смеси наигранной брутальности и сентиментальной пошлости: у буршей изрубленные лбы, и они гордо демонстрируют свои полученные в дуэлях шрамы, залепленные черным пластырем, а также фиксируют глазами штатских (в сходной манере героини-немцы из стихотворения «На Рейне» «...в патриотическом азарте на иностранцев пыжались окрест...» [Там же, с. 253]). В том же углу, что и портрет кронпринца, находится «игрушечное знамя, эмблема пьянства, ссор и драк» [Там же, с. 248]. Кульминация этого пивного наигранного патриотизма заключается в речи председателя, который, качаясь, встает с кружкой и, ударив себя в жилет, произносит: «Собравшись... грозно... за пирушкой, мы шлем... отечеству... привет...» [Там же].

Театральность как характеристика кабацкого локуса раскрывается в еще одном посвященном корпорантам стихотворении С. Черного «Немецкие студенты». «Пылкая отвага» корпорантов, «лихих господ» – это симулякр, «мишурная гроза» [Там же, с. 353]. Цель дуэли, которая может проводиться в той же пивной, – не отстоять свою «честь», а получить ритуальные шрамы, доказывающие их полноправное вхождение в корпорацию, словно у первобытных народов: «Щадит стальная шпага и сердце, и глаза. Здесь колют только в рожу» [Там же]. Типажные немецкие студенты-филистеры – «все Карлы, Францы, Фрицы» с изрубленными лицами и израненными лбами – только играют в рыцарей, а на самом деле они «традиции рабы» и «дуэльные скоморохи» [Там же]. Присутствует в портретном описании и характерный животный штрих: лица уподоблены рылам («Врага целует в рыло под общий дружный —Hoh!») [Там же]. Но это дружелюбие и дух братства так же ложны, как и сама дуэль; их фальшивость разоблачается с помощью мотива опьянения: «...после, нализавшись, опять друг друга бьют» [Там же].

Торжествующая пошлость описана и в стихотворении «Еще факт», действие которого происходит в зале «Зеленой Свиньи», где гимнастический клуб «На здоровье» отмечает свой юбилей. В портретном описании посетителей ни одной изящной черты: «плотный блондин», «...Максы кружили Матильд, как шестерни жернова» [Там же, с. 350]. Однако есть намек на комическую травестийную (пивную?) андрогинность: «немцы в матрачном трико» выгибают «женские бюсты» [Там же]. Развлечения немецких филистеров под стать им самим: танцы и «лотерея с великим соблазном» – «лампы, щипцы для волос, кружки и желтый Вильгельм» [Там же]. Отметим сходный метонимический снижающий прием, что и в стихотворении «Корпоранты»: там портрет кронпринца соседствует с кабаньей головой, здесь изображение императора – с предметами быта.

Еще одна характерная черта филистерского локуса – это его звуковая характеристика. Филистеры не способны вести себя тихо: являясь толпой, они кричат, чтобы заявить о себе и своих мыслях и чувствах окружающим, поэтому в таком ресторане-пивной царит шум. В стихотворении «Еще факт» это сначала «оглушительный марш», а затем «сочувственный радостный рев», знаменующий апофеоз спровоцированной алколом пошлости, когда один из посетителей, выиграв «интимную вазу» и нацедив в нее пива, «пьет среди залы, как Вакх» [Там же]. В стихотворении «На Рейне» «...крикливо шумит упитанный восторженный шаблон» [Там же, с. 254], в стихотворении «Немецкие студенты» звучит общее дружное «Hoh!», в стихотворении «Как францы гуляют» мы встречаем «десятков семь орущих, красных булок» [Там же, с. 241].

Еще одна особенность образов немцев-филистеров в поэзии С. Черного заключается в том, что они не только представлены в обобщенном виде, описаны грубыми «типажными» штрихами, но и всегда находятся в большом количестве, заполняя пространство практически без остатка. Это толпы с едва различимыми отдельными лицами, а не отдельные личности: будь то ферейн «Любителей прогулок» в семьдесят человек, или сгрудившиеся в кабаке корпоранты, или теснящие друг друга пары в «Зеленой Свинье». Между тем, наблюдающий филистеров русский герой-рассказчик в кабацком локусе всегда одинок, отделенный от немецкой толпы как своим иностранным происхождением, так и неприятием пошлости филистеров.

Это одиночество акцентируется и в стихотворении «В ожидании ночного поезда». Оно построено на антитезе. С одной стороны, пьющий пятую кружку светлого пива типажный «светлый немец» (снижающее подобие субъекта и объекта), который характеризуется ярко выраженной почти неодоушевленной телесностью: «Шея, как пушка, живот, как комод...» [Там же, с. 245]. Со своей неутолимой жаждой он самодостаточен, спущен на физиологический уровень существования и напоминает типажного немца, пьющего из интимной вазы. С другой стороны, русский герой, рефлексирующий, осознающий свою чуждость данному пространству, нервный и озлобленный, согласно самохарактеристике: «А я, иноземец, сию тоскливо, бледнее мизинца, и смотрю на лампочки вяло» [Там же]. Его, в отличие от типажного немца, отличает признак телесной и душевной слабости. Русского героя раздражают и этого не подозревающий филистер, и пошлость немецких журналов, просматриваемых в пивной в ожидании поезда: «Просмотрел журналы: портрет кронпринца, тупые острофы, выставка мопсов в Берлине...» [Там же, с. 244]. Реальность кабацкого локуса вызывает у него приступ зевоты. Впрочем, ирония по отношению к пьющему пиво немцу соединяется с самоиронией. В итоге герой, не выдержав и заказав у кельнера пива, до некоторой степени уподобляется своему визави.

Однако отгороженность русского героя от немецкого пространства в ряде стихотворений может частично устраняться. Он преодолевает или хочет преодолеть свое одиночество хотя бы на время. В результате такого присоединения героя-странника к «немецкому» пространству последнее приобретает черты «приюта», «убежища», и его негативные, чужеродные черты сглаживаются ради достижения единства русского персонажа с окружающим инациональным локусом. Подобная ситуация наблюдается в стихотворении «Остров», в котором описывается пространство лесной харчевни. Это не абсолютный в своей ограниченности мирок пивной-ресторана из произведений «Корпоранты» и «Еще факт». Хотя он так же мал и закрыт от внешнего мира, но эта закрытость не тотальна, не подавляет героя, в отличие от закрытости кафкианских фантазий,

из которых невозможно найти выход. В стихотворении «Остров» закрытость означает защищенность от опасностей внешнего мира с его дождливой ночью и лесными страхами. Кроме того, это пространство закрыто не полностью: «И хлопала дверь поминутно» [Там же, с. 276], впуская новых посетителей, жаждущих тепла и уюта. Наполненность людьми («Низкий и старенький зал гостей насилу вмещал...» [Там же]) противоположна по смыслу наполненности выше упомянутых локусов: это не чужеродное скопище раздражающих филистеров, от которого хочется отгородиться, отвернуться, а семейно-родовое пространство, в которое хочется войти: «...зал превращался в деревню» [Там же, с. 277]. «Как много людей вокруг!» [Там же], – восклицает радостно русский бесприютный странник, изживающий свое одиночество. В описании данного локуса нет снижающих «звериных» черт, о которых говорилось выше: у тех же служанок гибкая походка, и никто не пытается взять их «за жабры», как в стихотворении «Корпоранты». Даже шум в качестве атрибута кабацкого локуса оценивается совсем по-другому, положительно: «Толпа гудела и пела» [Там же], превращая таверну в «деревню», в которой все связано родственными и соседскими отношениями. На место атмосферы насилия, грубости, похоти в данном локусе лесной таверны приходит ощущение тепла, уюта и счастья: «Как мало нужно для счастья – уйти от ночного ненастья и попасть в лесную харчевню!» [Там же].

Сходные черты общего дома, где все люди братья, имеет локус пивной в стихотворении «Карнавал в Гейдельберге»: «Идут, обнявшись, смеясь и толкаясь, в открытые настезь пивные. Идут, как братья, шутя и ругаясь, И все такие смешные...» [Там же, с. 171-172]. Как и в произведении «Остров», одними из главных мотивов здесь являются принципиальная открытость локуса и единение оказавшихся в нем людей. Мотив опьянения тоже меняется, наполняясь новым содержанием. Это не развязное пьянство филистеров, а карнавальная разгул с пением, шумом и криками: «Каждый пел и каждый пил...» [Там же, с. 172]. Животные черты в портретном описании выступают не как сатирический прием, а в форме комической игры, театрального представления: «Вон купец пищит котенком...» [Там же]. Эта тотальность карнавала захватывает и русского героя-наблюдателя: для него окружающие толпы немцев становятся по-доброму смешными, а не пошлыми, раздражающими. Меняется и оценка студентов: в их образах подчеркивается не акцентированная с помощью мотива опьянения телесность, лишенная всякой осмысленности, а свободная сила духа: «Хор студентов свеж и волен – Слава сильным голосам!» [Там же]. Любуясь по столам пиво становится выражением не наигранного, вымученного веселья, а карнавальная безудержности.

В несколько иной тональности выдержано описание «кабацкого» локуса в стихотворении С. Черного «В старом Ганновере». Оно написано поэтом в период эмиграции и окрашено трагическими нотами. Мотив одиночества лирического героя-странника на чужбине здесь выражен с еще большей четкостью, чем в произведениях, относящихся ко времени дореволюционной поездки автора в Германию. До некоторой степени хронотоп стихотворения напоминает хронотоп «Острова», в котором локус харчевни находится посреди хаотического пространства ночного дождливого леса. В стихотворении «В старом Ганновере» герой оказывается «в лабиринте тесном и чужом» ночного города, где «...вода бежит волнистой ртутью, хлещет-плещет тускло-серой мутью...» [5, с. 78]. Посреди этого дышащего «сыростью и жутью» [Там же] хаоса находится тускло блестящая позолотой расписная харчевня. Но если в стихотворении «Остров» лирический герой без труда проникает в лесную харчевню как в семейно-родовое, счастлирое пространство, то в произведении «В старом Ганновере» это проникновение – лишь несбыточная мечта об утраченном единстве, дружбе, блаженном прошлом. Пространство ночного Ганновера рассматривается как параллельное пространству «сумасшедшей, горестной Москвы» [Там же, с. 79], где остался друг героя. Эти параллельные реальности не пересекаются: «Друга нет – он на другой планете...» [Там же]. Их пересечение, соответственно, возможно лишь в онирическом пространстве. И лирический герой грезит: «В “Золотой Олень” вошли бы чинно, заказали сыра и вина, и молчали б с ним под треск камина у цветного, узкого окна...» [Там же]. Но дорога в эту реальность слишком зыбка, чтобы унести в нее до конца – в итоге герой вновь оказывается в дышащем сыростью и жутью пространстве ночного Ганновера: «Друга нет – и нет путей назад» [Там же].

Итак, кабацкий локус в поэзии С. Черного предстает как амбивалентное пространство. С одной стороны, оно связано с образом веселящихся немцев-филистеров, лишенных всякой одухотворенности и неприятных русскому герою-страннику. С другой – кабак/харчевня может выступать в качестве убежища, уютного, семейного пространства, объединяющего людей и тем самым преодолевающего национальные и культурные рамки. Герой-странник либо находится в этом локусе, принят в него, либо так и остается за границей внутреннего круга в опасном, хаотическом пространстве. Тогда локус таверны приобретает онирические черты, становится предметом неосуществимых мечтаний. Кроме того, кабак может выступать в качестве карнавального пространства, где нарушаются законы и правила повседневной жизни.

Список литературы

1. Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М. Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37-54.
2. Иванов А. С. Оскорбленная любовь // Черный С. Собрание сочинений: в 5-ти т. / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 1: Сатиры и лирики. Стихотворения. 1905-1916. С. 5-30.
3. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 2001. 440 с.
4. Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 1: Сатиры и лирика. Стихотворения. 1905-1916 / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. 464 с.
5. Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917-1932 / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. 496 с.

GERMAN PUB LOCUS IN THE POETRY BY SASHA CHORNY

Zhdanov Sergei Sergeevich, Ph. D. in Philology
Siberian State Academy of Geodesy
fstud2008@yandex.ru

The article examines marked by Germanness –pub” locus in the poems by Sasha Chorny. This chronotope manifests the features of a space associated with an image of a typical German-philistine. His satirically coloured portrait lacks individual features, instead it is full of associations with animals and inanimate objects which emphasizes the triviality of a personage. Besides, while representing the locus of a German pub-tavern the poet accentuates the motives of theatricality, carnival, human community, refuge which imparts ambivalent features to the description of this space.

Key words and phrases: Russian literature of the XX century; Sasha Chorny; Silver Age poetry; Germanness; philistine; type; pub locus.

УДК 81

Филологические науки

В статье предлагается семиотико-синергетическая трактовка художественного кинодискурса и кинотекста, специфицируется содержание художественного кинодискурса исторического жанра. Автор рассматривает понятие фрактального множества, обосновывает возможность применения фрактала в качестве модели, реконструирующей динамику развития смыслов и значений, раскрывает некоторые особенности концепта как фрактального множества. Основное внимание уделяется описанию процесса самоорганизации концепта «spiritual power» в англоязычном художественном кинодискурсе исторического жанра на материале кинотекста «Alfred the Great» (1969 год).

Ключевые слова и фразы: семиосфера; семиотико-синергетическая организация; художественный кинодискурс исторического жанра; кинотекст; концепт; фрактал.

Зайченко Светлана Сергеевна

Челябинский государственный университет
sveta_zajchenko@list.ru

**ФРАКТАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
КОНЦЕПТА «SPIRITUAL POWER» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ
КИНОДИСКУРСЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖАНРА ©**

Художественный кинодискурс как разновидность дискурса представляется совокупностью некоторого множества кинотекстов, выступающих результатом взаимодействия коллективного авторского замысла, сложного комплекса возможных реакций кинозрителя и кинотекста, выводящего произведение в пространство семиосферы. В динамичном интердискурсивном семиотическом пространстве художественный кинодискурс исторического жанра является творческой интерпретацией событий и персонажей исторического прошлого коллективом киноавторов и характеризуется непосредственной соотнесенностью с прецедентной ситуацией, сочетанием документальности или аккуратности исторической реконструкции с художественным вымыслом, использованием специфических средств достижения эффекта историчности, взаимосвязью жанровых разновидностей, широким спектром задействованных знаковых систем и интерпретационной открытостью.

Семиотико-синергетические свойства художественного кинодискурса исследуемого жанра непосредственно актуализируются в кинотексте – связном, цельном и законченном по форме сообщении, в котором воплощается замысел коллективного автора. Важную роль в организации кинотекста играет концепт, выступающий системообразующей категорией. Концепт предшествует замыслу и в основе своей интуитивен. Концепт зарождается под влиянием дискурса, но вне текста. В процессе создания текста, уже на начальном этапе, концепт начинает осознаваться автором на рациональном уровне замысла, который предполагает некоторое логическое осмысление концепта и способа его выражения. Концепт предопределяет смысловое строение текста, и через него – логическое строение, коммуникативную направленность и эстетическое воздействие, которые, в свою очередь, определяют выбор языковых и неязыковых средств выражения, необходимых для порождения текста [2].

Понимание концепта как сложного, многомерного, внутренне расчлененного и динамичного образования позволяет рассматривать концепт в качестве самоорганизующегося фрактального множества. Фрактал называют теоретическим конструктом, описывающим ситуацию неустойчивости понимания смыслов и значений, меняющихся под влиянием дискурсов и коммуникативных особенностей ситуаций. Познание смысла – это «фрактальное блуждание», которое необходимо для того, чтобы «разморозить» устоявшиеся связи между знаками, концептами и когнитивными состояниями реципиента, активизировать процессы креативности поиска новых знаковых описаний и семантических пониманий [3, с. 125].